

О ДИАЛЕКТНОМ РАЗНООБРАЗИИ КОРЯКСКОГО ЯЗЫКА

*Е.Т. Гиль,
заслуженная артистка России,
руководитель Центра национальных культур ЦК и Д «Сероглазка»
(г. Петропавловск-Камчатский)*

Амто, мей, тумгутую! Здравствуйте, друзья!

Сразу хочу перевести вам суть моего приветствия. В корякском языке при встрече здороваются сначала с мужчинами — *амто*, затем с женщинами — *мэй*. *Тумгутую* состоит из двух слов: *тумгу* — ‘друзья’, *тую* — ‘вы’, причем слово *тую* — на чавчувенском диалекте, на нымыланском же звучит как *туру*. Слово *мэй* может относиться ко всем, с кем здороваются, по-нымылански оно будет звучать *мэвэ*.

В корякском языке выделяют восемь диалектов. Откуда такое многообразие?

Я помню с детства, что на нашем дворе останавливалось множество разных, красиво одетых людей. В начале 60-х гг. прошлого столетия аборигены Камчатки интенсивно передвигались как на собачьих, так и на оленьих упряжках. Порой дома у нас собиралась масса народа,

детей отправляли в специальный дом, где малыши были под присмотром старших сестер и тетюшек.

Но я была в гуще событий и слышала много разныхговоров, я произносила каждое новое слово и отмечала различие. Мама мне говорила, что гости были сверху – *вайкыналгу*, значит из Пенжинского, Олюторского районов, иногда мама говорила о *Караниналгу* – значит из Караги.

Еще одних отец звал уважительно – *кайтумгу*. Это означало, что приезжали гости из Седанки, Коврана.

Таким образом, слыша многообразие говоров, я поняла, что есть как бы основа языка, и в каждой такой основе составляющим является отличительный набор слов с характерным окрасом того или иного места.

Однажды мне пришлось переводить древний корякский вперемешку с чукотским языком. Я получила огромное удовольствие при разгадке этого текста.

В апреле 2008 г. в Караге проходила международная научно-практическая конференция «Фольклор и художественное творчество народов Севера Камчатки: традиции, современность и будущее». Учредителями этого форума были Камчатский центр народного творчества, Корякский округ, пгт Палана и профессор этнологии Эрих Кастен (Германия, Берлин).

В один из дней работы конференции мы буквально окунулись в исконный язык аборигенов – карагинский, отличающийся многими диалектами. Говорили и проводили мастер-классы старожилы Карагинского района из сел: Карага, Оссора, Рекинники, Тымлат, Кострома, Анапка, Ивашка. Вот где участники конференции вволю слышали весь колорит говоров корякского языка, пения родовых (собственных) мелодий! Мы увидели уникальные движения, характерные для карагинцев, любовались орнаментами на коже, вышивкой бисером и цветными нитками. На практических показах мы почерпнули ценные, дотоле неизвестные знания о жизни аборигенов. Участники конференции углубленно вникали в смысл

происходящего, ведь мы увидели и ощутили *юнэт* – жизнь северянина.

Такие знания еще можно получить в глубинных селах, на рыбалках. К сожалению, приходится констатировать, что в ближайшее время сохранять будет нечего. Люди моего поколения уже на 80% не говорящие на родном языке. Из истории прошлого века вы знаете, что происходило с нашими племенами, что родной язык был под запретом, вплоть до наказания. Вопрос о сохранении аборигенных языков сейчас особо актуален, несвоевременное осознание этой проблемы отодвинуло ее решение на многие годы.

Корякский язык относится к числу древнейших языков, ведь сам язык и смысл жизни коряка были неразделимы. Может, сегодня интерес к корякскому языку возник как к ключу разгадки жизни всего мира? Именно так. Великие учения аборигенов передавались из поколения в поколение, но в начале 60-х гг. прошлого столетия я услышала из уст старейшин, как они ска-зали друг другу: «Все. Дальше не передавать знания жизни. Это поколение и далее не нуждаются в нас, они будут жить по законам пришлых». Вот так произошел тот самый разрыв, и мы с каждым разом острее ощущаем некий вакуум. Так кто же мы на самом деле?

Я благодарна самой себе, что, выстояв в детстве под напором обидчиков, я смогла сохранить в себе любовь к своим двум наречиям корякского языка – чавчувенскому и нымыланскому.

P.S. В 1998 г. в Нью-Йорке на выставке, приуроченной к 100-летию Морриса Джесуна, нам дали послушать запись 1928 г. Говорила женщина-корячка. Уже тогда мы почувствовали грань безвозвратно ушедшего времени, а с ним и потерю красивого, богатого языка.